

НАКАНУНЕ ЛИКВИДАЦИИ

(Рассказ)

Источник: А. О. Осипович-Новодворский. Эпизод из жизни ни павы, ни вороны, Санкт-Петербург, "Наука", 2005.

Оригинал здесь: Машинный фонд русского языка - <http://cfrl.ru/prose/osipovich/osipovich.shtm>.

Была чудная "украинская ночь". Вернее сказать -- было две ночи: одна гоголевская, в селе, потонувшем в вишневых садах, другая пушкинская, по сю сторону речки, где, на отлогости балки, стоит каменный двухэтажный дом и к самой воде спускается тремя террасами роскошный сад Петра Степановича Попутнова, женатого на Вере Михайловне, урожденной Перининой. Между этими двумя ночами, если и было что-нибудь общее, то разве одна природа, то есть -- по теперешнему времени, когда "человек гораздо больше зависит от человека, чем от природы", -- самая малость. Яркий месяц одинаково заливал своим серебряным светом и соломенные, и жестяную крышу, и белые стены хат, и кофейного цвета штукатурку барского дома, и ивовые плетни, и железную решетку. Воздух и здесь и там был пропитан опьяняющим запахом свежей зелени, сирени, черемухи, вишни; в его ароматических волнах, кроме ясно выделявшихся раскатов соловья или жужжания майского жука, когда он близко пролетал мимо, одинаково дрожали и те неуловимые в отдельности нежные и страстные, убаюкивающие и подзадоривающие звуки, под музыку которых сначала так сладко мечтается вообще, а потом возникает более определенное чувство: "Кого-то нет, кого-то жаль, к кому-то сердце мчится вдаль!..", другими словами -- является сильная любовная предприимчивость. Можно даже сказать, что и любовная предприимчивость -- и здесь и там -- проявляется с одинаковою силою. Но дальше всякое сходство исчезает, и из одной ночи делается две.

Там, из сеновалов, сарайчиков, сеней и других мест, куда имеет обыкновение прятаться на ночь сельский прекрасный пол, робко выползают разные Гапки, Фроськи, Оксаны, -- с босыми бронзовыми ногами, в запасах и грубых рубахах, с запахом собственного тела, телят, луку и многого другого, со следами земли или чего-нибудь в этом роде на крепких руках. Здесь, на верхней террасе, примыкающей к дому и представляющей обширную площадку с клумбами цветов посередине и живою изгородью из ровно подстриженных акаций по сторонам, с усыпанными песком дорожками и железными скамейками, -- сидит барышня, благоухающая самыми изысканными духами. Когда Гапки, Фроськи и так далее бросят по сторонам боязливый взгляд и затем, с тою порывистостью движений, которою обладают только кошки и деревенские девки, шмыгнут в определенные места садилов -- в объятия Грицьков, Стецьков и других неблагозвучных кавалеров, в холщовых шароварах, в свитках внакидку, в бараньих шапках или соломенных шляпах, но с неизбежным запахом махорки и дегтя, -- барышня -- скажем кстати -- Софья Петровна, -- напротив того, и не подумает бежать к Nicolas, и если испытает соответствующий порыв, то обнаружит его только тем, что встанет со скамейки, сорвет ветку, обшиплет листья и заходит взад и вперед нетерпеливыми шагами. Сам же Nicolas... Но об нем будет речь впереди.

Гапки, Фроськи и другие поведут со своими "предметами" самые несообразные разговоры: "Утичай" -- "Чого?" -- "Свиня!.." -- "Зіронько моя..." -- вообще очень коротенькие замечания страстным шепотом, прерываемые смачными поцелуями, обниманиями и икотой... Софья Петровна, ежели Nicolas выйдет к ней, заговорит с "им о ночи, о звездах, об этом легком паре над рекою, в котором -- не правда ли? -- так и чудятся русалки Маковского... Он ей скажет, что не хочет смотреть ни на пар, ни на небо: ему гораздо приятнее любоваться отражением звезд в ее глазах, причем близко-близко нагнется к ей; она покраснеет, ударит его легонько веткою по плечу, и только после этого, но не раньше, он поцелует ее в сахарные уста.

Мы сочли долгом резко разграничить ночь в селе от ночи в барском саду, потому что именно с этого разграничения Софья Петровна начала свои размышления на террасе.

Она откинулась на спинку скамейки, находясь в том приятном настроении духа, когда человек не отдает предпочтения ни одному из образов, беспорядочною толпою мелькающих в его воображении, слушала монотонный гул лягушек и смотрела в одну точку, приходившуюся за рекой, в стороне от села, в поле. Вдруг вблизи этой точки блеснул огонек, потом потух, снова блеснул, и через минуту вспыхнуло